

Цинь Хуаньлин выглянул наружу:

— Это ветер. Я только что водил людей проверять амбары. Говорят, что в ближайшие дни ожидается сильный дождь, нужно быть готовыми к сырости. Но вряд ли сегодня пойдёт, эти тучи, скорее всего, дотянут до завтра.

Лу Цяньтан посмотрел на дверь палатки, которая раскачивалась от сильного ветра, и после короткой паузы сказал:

— Сегодня ночью возьми больше людей на патрулирование.

После ужина Лу Цяньтан вернулся, чтобы переодеться, и бросил Цинь Хуаньлину книгу, поправляя воротник:

— Те дома, которые я отметил красным, проверь сейчас же и выдели людей.

Цинь Хуаньлин кивнул, подошёл к кровати, чтобы поднять книгу, и заметил что-то под ней. Он взял это в руки, рассмотрел и воскликнул:

— Начальник! Это же красный нефрит! У тебя есть такие драгоценности!

— Какой красный нефрит? — Лу Цяньтан поднял взгляд, увидел, что он держит, и быстро подошёл, чтобы забрать. — Это моё.

Цинь Хуаньлин цокнул языком:

— Я впервые вижу такое красивое кольцо из нефрита. Начальник, ты хорошо его спрятал. Там, кажется, что-то выгравировано? Я не разглядел, что это за символы?

Лу Цяньтан покрутил кольцо в руке и спрятал его:

— Тебе показалось. Мне кажется, что в ближайшие дни что-то произойдёт. Будь внимательнее, следи за всем.

Цинь Хуаньлин кивнул, выслушал ещё несколько указаний:

— Начальник, не хочешь отправить письмо домой? Через две недели будет Праздник середины осени. Уже почти полгода, и я не видел, чтобы ты писал.

Лу Цяньтан задумался:

— Я писал, когда только приехал. Думаю, лучше не писать, чтобы не тосковать.

Цинь Хуаньлин с удивлением посмотрел на него:

— Как так? Я, даже находясь так далеко от дома, всё равно скучаю по родителям. Начальник, ты разве не скучаешь по своим?

Лу Цяньтан нахмурился, снова замолчал на мгновение, затем потрогал кольцо, спрятанное за одеждой:

— Я не знаю, по кому скучать.

И не знаю, скучает ли кто-то по мне.

Ночью Лу Цяньтан дежурил до второго часа, потом сменился, чтобы немного отдохнуть. Едва он успел выпить чашку горячего чая, как снаружи раздался шум. Лу Цяньтан снова поднял полог палатки и вышел, увидев, что за пределами лагеря кто-то шумит. Он спросил:

— Что случилось?

Один из солдат подошёл и отдал честь:

— Командир, мы задержали человека, который вёл себя подозрительно ночью. Сейчас его допрашиваем.

Лу Цяньтан сказал:

— Где он? Покажите.

Солдат провёл его к месту, где задержанный был плотно закутан, оставляя видимыми только глаза. Его руки были связаны за спиной, и его прижимали к земле, но он яростно сопротивлялся, не издавая ни звука.

Лу Цяньтан почувствовал что-то неладное и махнул рукой:

— Отпустите его.

Как только солдаты отпустили, человек перевернулся на бок и начал яростно биться, поднимая облака пыли. Он был похож на рыбу, выброшенную на берег, но, несмотря на отчаянные попытки, всё ещё не издавал ни звука.

Лу Цяньтан присел, ощупал его плотную одежду и вытащил меч. Лезвие со свистом разрезало одежду, и в воздухе распространился резкий запах.

Один из солдат воскликнул:

— Командир, это сера!

Лу Цяньтан поднял руку, чтобы они замолчали:

— Разденьте его.

Солдаты быстро сняли с него всю одежду, оставив только нижнее бельё. Человек всё ещё был связан, и его глаза горели ненавистью. Губы судорожно дернулись, но Лу Цяньтан, который в это время обыскивал его вещи, ловко вывихнул ему челюсть. Из горла вырвался хриплый стон.

Лу Цяньтан махнул рукой, и солдаты вытащили из-под языка задержанного капсулу с ядом. Затем Лу Цяньтан вправил ему челюсть, и лезвие его сабли Лансин легло на шею человека.

Лу Цяньтан смотрел на него сверху вниз:

— Ты принёс с собой столько пороха, чтобы взорвать нас всех?

Человек яростно смотрел на него, явно показывая, что скорее умрёт, чем заговорит.

Лу Цяньтан поднял бровь и одним движением отрезал ему правое ухо. Действие было быстрым и точным, словно он делал это тысячу раз. Звук крика разнёсся по половине пустоши.

Лезвие меча коснулось его горла:

— Я не мастер во многих вещах, но в допросах у меня есть опыт. Если ты попал ко мне, то умереть будет не так просто. Отведите его и следите, чтобы он не покончил с собой. Пусть отдохнёт, а завтра утром отрежем и второе ухо.

Человек издал рычащий звук, и, когда его уводили, продолжал смотреть на Лу Цяньтана с ненавистью. Кровь стекала по его телу, и, проходя мимо, он хрипло выкрикнул на ломаном китайском:

— Боги отвернулись от тебя! Палач!

Солдат, который вёл его, ударил его в грудь:

— Заткнись!

Лу Цяньтан усмехнулся:

— А кто отвернулся от тебя, раз ты оказался в таком положении?

После того как человека уводили, Лу Цяньтан немедленно отправился на расследование. Цинь Хуаньлин остался в лагере, чтобы продолжать допрашивать живую бомбу, не давая ему ни минуты покоя.

Лу Цяньтан без особых усилий выяснил, что этот человек был пастухом из Тугуси, который пас скот к востоку от горы Цзиньци. У него не было семьи, и в окрестностях горы жили только разрозненные семьи, так что соседей у него не было.

Когда Лу Цяньтан вернулся, уже начинало светать. Цинь Хуаньлин, зевая, вышел из палатки и, увидев его, помахал рукой:

— Начальник, ты вернулся. Этот ублюдок всё ещё держится, посмотрим, сколько он выдержит. Ты можешь немного поспать.

Лу Цяньтан сказал:

— Позже вздремну. Я выяснил, что этот человек не представляет большой ценности. Это просто пешка. У Тугуси есть причины ненавидеть Великую Ци. Он, вероятно, был использован, но всё же стоит выжать из него всё, что можно.

Цинь Хуаньлин почесал затылок:

— Почему Тугуси ненавидит Великую Ци? Как так?

Лу Цяньтан, выжимая полотенце, остановился:

— Они выдали за нас принцессу, но она загадочно умерла в нашем дворце. Великая Ци обещала защиту Тугуси, но не выполнила своё обещание. Тугуси страдает от набегов наманьцев уже много лет. Они потеряли и принцессу, и защиту. Как ты думаешь, есть ли у них причины ненавидеть нас?

Цинь Хуаньлин протяжно кивнул:

— Понятно, тогда действительно...

Лу Цяньтан посмотрел на него:

— Но не жалею того, кто внутри. Он хотел взорвать нас всех.

Цинь Хуаньлин сказал:

— Ты же сам сказал, что его использовали. Начальник, ты оставишь его в живых?

Лу Цяньтан сурово посмотрел на него:

— Если убийца держит в руках нож, на ноже всё равно есть кровь. Он не невиновен.

Лу Цяньтан похлопал его по плечу:

— Не сочувствуй тому, кто ненавидит тебя.

Накануне Праздника середины осени правитель Сухуая Сюй Цзинъань вернулся в столицу для доклада. Сяо Гуансу устроил пир, чтобы устроить ему торжественный приём. Их дружба началась, когда девятый принц недавно посетил Сухуай. В то время этот искусный правитель сделал всё, чтобы угодить принцу, и тот полюбил его, считая близким другом. После отъезда из Сухуая принц не раз отправлял письма с приветствиями, и теперь, увидев его возвращение в столицу, был в восторге.

Сяо Цинму в последнее время редко посещал пиры, но на этот раз, узнав, что кто-то из Сухуая приехал, принял приглашение. На пиру было не так много гостей, так как Сяо Гуансу отправил лишь несколько приглашений, сказав, что это небольшой пир, чтобы не вызывать подозрений у императора.

После нескольких тостов Сяо Гуансу слегка опьянел и попросил, чтобы его увели, чтобы прийти в себя. Сюй Цзинъань воспользовался моментом, чтобы подойти к Сяо Цинму с бокалом вина:

— Ваше Высочество, я, Сюй Цзинъань, приветствую вас. Перед отъездом из Сухуая я навестил князя Чу. Он попросил меня передать вам, что в последнее время всё в порядке, но из-за сухости и жары не стоит раздражаться и торопиться. Он просил вас беречь себя.

Сяо Цинму кивнул и улыбнулся:

— Вы очень внимательны. Пожалуйста, передайте восьмому принцу, чтобы он не беспокоился по пустякам.

Сюй Цзинъань тоже улыбнулся:

— Восьмой принц очень заботлив.

Когда Сяо Гуансу вернулся, они продолжили веселиться. После того как танцовщицы ушли, один из офицеров из Западного столичного лагеря громко сказал:

— Танцовщицы девятого принца просто прекрасны. Я чувствую себя так, словно попал в лунный дворец.